

Клара Штайн, Денис Петренко

Кавказ глазами поляка :
семиотический портрет
Пятигорска по данным текста
мемуаров Сергея С. Поволоцкого
"Что очи мои видели"

Studia Rossica Posnaniensia 32, 117-127

2005

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

КАВКАЗ ГЛАЗАМИ ПОЛЯКА:
СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПЯТИГОРСКА ПО ДАННЫМ ТЕКСТА
МЕМУАРОВ СЕРГЕЯ С. ПОВОЛОЦКОГО *ЧТО ОЧИ МОИ ВИДЕЛИ**

CAUCASUS AS SEEN BY A POLE:
SEMIOTIC PORTRAIT OF PYATIGORSK ACCORDING TO THE DATA
IN S.S. POVOLOTSKY'S *WHAT MY EYES SAW* MEMOIRS

КЛАРА ШТАЙН, ДЕНИС ПЕТРЕНКО

ABSTRACT. The article considers memoirs as a linguoculturological and historical source. The memoirs help to make semiotic portrait of the Pyatigorsk spa town. The town is actually the main hero of S. Povolotsky's *What my eyes saw* memoirs. The text of the memoirs is a vivid illustration of interference and interaction between the Caucasian (Eastern) and European cultures.

Клара Штайн, Денис Петренко, Ставропольский государственный университет, Ставрополь – Россия.

Как известно, мемуары – это разновидность документальной литературы. Исследователи считают, что мемуары близки к исторической прозе, научным биографиям, документальным историческим очеркам. Семиотический подход предполагает рассмотрение мемуаров как текста, обусловленного целой системой факторов, и его следует рассматривать в нескольких проекциях. Нарративный (синтагматический) подход к исследованию особенностей текстов мемуаров предполагает включенность этого „участка” событий в „большую” нарративную историю, имеющую однонаправленное движение от прошлого к будущему („глобальная история” – М. Фуко). В этом случае мемуары могут нести дополнительную информацию, как правило, локального характера: может быть, даже хорошо известные исторические события, в определенное время, в определенном месте воспринятые, осмыслены и описаны определенным субъектом. В то же самое время мемуарист, рассматривая, как правило, эти события опосредованно, через какой-то период времени вспоминая о них, создает достаточно широкую картину своей жизни и жизни других людей в определенную эпоху, т.е. является невольным систематизатором, отбирает, акцентирует определенные события, факты. Как правило, в его памяти остаются наиболее значимые лица, положения дел и т. д. В результате мы имеем

* См. польское издание: S. P o w o ł o s k i, *Co oczy moje widziały*, Łódź 1996.

дело с некоей „археологией” знаний об определенном времени, так как в процессе, пусть субъективной, но тем не менее работы над этой информацией мемуарист стремится к типизации событий, ситуаций. Здесь он мыслит классификационно, т. е. парадигматически. Таким образом, мемуары вписываются как в горизонтальное (синтагматика), так и в вертикальное (парадигматика) порождение исторического дискурса. Дискурс – это текущая речевая реальность, письменной организацией которой является текст. На наиболее низком, конкретизирующем ярусе абстрагирования в описании исторической реальности значимыми в смысловом отношении могут оказаться мемуары как источник исторических сведений, важных для определенного периода времени.

Мемуары, как правило, опираются на повседневную жизнь, хотя и включают значимые, исторически отмеченные события. Д.Н. Овсяннико-Куликовский пишет о том, что обыденная жизнь человека дает множество поводов для того, чтобы каждый из нас мысленно вел дневник, писал мемуары. И эти „неписанные мемуары” и вообще „обывательское творчество” несут серьезную информацию – классовую, сословную, профессиональную, узконациональную¹, так как наше обыденное мышление по существу своему реалистично². Сам обыденный язык также несет информацию об исторической значимости и историческом характере того или иного периода времени. В конечном счете, в осмыслении ученых ономастопозитического направления и сам язык (даже обыденная речь), и различные типы запечатления жизни в текстах (дневник, мемуары, художественный текст) являются „выражением познавательных теоретических стремлений человечества”³.

При этом, исследуя мемуары, очень важно делать установку на повседневность как особый мир опыта, который позволяет мемуаристу, отталкиваясь от конкретики, приходиться к обобщению, „раскапывая” его знания о времени и о себе, выделять семантические слои, которые составляют так называемую внутреннюю форму повседневности.

В русской лингвистической традиции с середины XIX века дискутируется проблема повседневности, повседневного языка и мышления. Точка отсчета – работы А.А. Потебни и представителей его школы (ономастопозитического направления в лингвистике), в первую очередь Д.Н. Овсяннико-Куликовского. Попытка тематизации повседневности выявляет глубинные основания социально-научного знания и художественного мышления. Воссоединение науки и повседневности, преодоление принципиального разрыва между миром человеческой практики и миром социальной теории означало бы для историка,

¹ Д.Н. Овсяннико-Куликовский, *Наблюдательный и экспериментальный методы в искусстве (К теории и к психологии художественного творчества)*. В: *Литературно-критические работы в 2-х тт.*, т. 1, Москва 1989, с. 94.

² Там же, с. 102.

³ Там же, с. 123.

социолога и филолога отказ от позиций непогрешимого учительства, от чувства превосходства человека, вооруженного передовой теорией по отношению к человеку, опирающемуся лишь на здравый смысл.

Для семиотического исторического анализа нами избраны воспоминания Станислава (Сергея) Поволоцкого *Что мои очи видели*. Используем мы их по той причине, что 1) они связаны с нашим Ставропольским регионом, 2) отражают переломный момент в истории России (история „прерывностей”, по М. Фуко): 1915–1921 гг.; 3) они написаны взрослым человеком (дистанция во времени – приблизительно 75 лет), все эти годы (1921–1996) проживавшим в другой стране – Польше, но имеют характер непосредственных впечатлений, связанных с детством, проведенным в Пятигорске.

Впервые воспоминания С. Поволоцкого *Co oczu moje widziały* были опубликованы в Лодзи в 1996 году. Родственники С. Поволоцкого Виктор Степанович и Неонила Ильинична Поволоцкие проживают сейчас в Пятигорске. Они передали нам рукопись и выразили согласие на публикацию мемуаров. Надо отметить, что, по-видимому, С. Поволоцкий написал мемуары на русском языке, а затем, по замечанию редакции книги *Co oczu moje widziały*, мемуары были переведены на польский язык женой автора Евдокией Поволоцкой. В данном случае для анализа представлен свежий, „нерастражированный” текст. Он ярко отображает значимость описываемых событий, произошедших в Пятигорске в пред- и послереволюционный периоды. Познакомиться с ним важно всем, кто изучает историю кавказского региона, лингвокультурологию, взаимоотношение русской и польской культур.

Характер повседневности Пятигорска детерминируется его географическим положением, близостью к республикам Северного Кавказа (Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Дагестан, Северная Осетия), а также к странам Закавказья (Грузия, Армения, Азербайджан).

Начало XX века, предреволюционный и послереволюционный периоды – время бурного расцвета культуры в России. Пятигорск – место активного взаимообмена культур России и Европы, народов Кавказа, о чем также свидетельствуют мемуары С. Поволоцкого.

Мемуары С. Поволоцкого имеют нарративный характер. Хотя они и характеризуются некоторой отрывистостью, но в целом, рассказывают правдивую „историю” событий, происходивших с 1915 по 1921 годы. Эти события оказали большое влияние на формирование С. Поволоцкого, который очень любил Пятигорск и на протяжении всей жизни возвращался в город своего детства:

По вполне понятным причинам воспоминания эти носят несколько хаотичный и отрывистый характер, – пишет С. Поволоцкий. – В сущности говоря, это ряд отдельных картинок прошлого, врезавшихся в память ребенка, а затем подростка, каким их автор был в те далекие годы. Попал он с семьей в Пятигорск в 1915 году, а выехал оттуда поздней осенью 1921 года. Навсегда он сохранил в своей памяти воспоминания детских лет, проведенных им в Пятигорске среди запомнившихся ему людей, которых давно нет в живых⁴.

⁴ С. Поволоцкий, *Что мои очи видели*, рукопись, с. 1.

В финальной части воспоминаний также фиксируются временные границы событий и указывается на продолжение их развития в памяти автора в реальной жизни. Так, по-видимому, путь С. Поволоцкого как театрального деятеля был определен уже в годы пребывания в Пятигорске:

Все это произошло летом 1921 года. А поздней осенью этого же года мы с матерью выехали из Пятигорска к себе на родину в Польшу. Так прервалась моя „театральная” деятельность и карьера. Сохранил, однако, я в своей памяти на всю жизнь воспоминание не только о ней, но, главное, о ставшем для меня навсегда близким и дорогим, горячо мною любимом Пятигорске⁵.

Мемуары Поволоцкого носят характер первопознания, очень важного в таких областях знания, как герменевтика, феноменология, семиотика, где изучается „схватывание смыслов”. Считается, что детский возраст (когда, однако, молодой человек уже способен к размышлению и обобщению) способствует „схватыванию” мира в его сущностных смыслах. Мир, увиденный ребенком, – это мир, „увиденный впервые”, когда не примешиваются „заранее-знания”, которые в процессе феноменологической редукции обычно „выводятся за скобки”. Детское восприятие – это чистое и сущностное восприятие мира, которое, тем не менее, было Поволоцким отрефлектировано впоследствии. Это взгляд с двух временных проекций: „детского схватывания” и взрослой рефлексии. Особую роль играет любовь к Пятигорску, привязанность к городу, которую Поволоцкий пронес через всю свою жизнь.

Судя по тому, что Поволоцкий часто возвращался в Пятигорск (даже женился он на жительнице Пятигорска), что он всю жизнь развивал и углублял те увлечения, которые сформировались у него в Пятигорске (театр, журналистика, общественная деятельность), русская культура в той форме, в какой она была репрезентирована в определенные годы в определенном месте, сыграла для видного польского деятеля культуры Сергея Поволоцкого важную роль, чего он и сам не отрицал. Так, во второй своей книге *Mój romans z teatrem*⁶ Поволоцкий постоянно обращается к именам А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, К. Бальмонта, Л.В. Собинова, Ф.И. Шаляпина, которые являются героями его „романа с театром”.

Сергей Поволоцкий – крупный театральный деятель Польши, хорошо знающий европейскую культуру не понаслышке: по свидетельству его родственников, проживающих в городе Пятигорске, с которыми мы имели непосредственную беседу, он путешествовал по Европе, работал во Франции. И все же любовью всей его жизни оказалась русская культура и маленький курортный городок на юге России, который для Поволоцкого ее воплощал. Запечатленные в детстве картины жизни этого города, непосредственно воспринятые в процессе его первопознания, переосмыслились и дополнялись в процессе

⁵ Там же, с. 76.

⁶ S. P o w o ł o c k i, *Mój romans z teatrem*, Łódź 1997.

последующих приездов Поволоцкого в Пятигорск. Это находит воплощение в структуре текста, который строится на основе противопоставления временных параметров: „тогда”, „в то время”, „в те годы” (1915–1921 годы) – „ныне”, „много лет спустя” (1996 год).

Текст характеризуется интенциональным (в феноменологическом смысле) характером: мемуарист вспоминает о Пятигорске много лет спустя, причем можно говорить об установке не на фантазирование, вымысел, а именно на воспоминания. В тексте этот процесс выражен лингвистически. Практически каждая „картина” или событие фиксируется глаголами „помню”, „запомнилось”, „в особенности хорошо мне запомнилась молочная”, „в мою память особенно сильно врезались кулинарно-кондитерские воспоминания”, „я хорошо запомнил”, „в моей памяти сохранилось воспоминание”, „яркое воспоминание сохранилось в моей памяти о Цветнике”, „до сих пор помню” и т. д.

В тексте мемуаров социальная среда, люди представлены персонально, а также социальными и этническими группами. Социальные группы, которые характерны для общей социальной среды в этих мемуарах, – это врачи, артисты, военные, владельцы пансионатов, усадеб. Этнические группы – русские, составлявшие большую часть населения, представители европейских народов (греки, французы, немцы, поляки, литовцы), представители кавказских народов (армяне, грузины, осетины, кабардинцы, карачаевцы (по-видимому, их Поволоцкий называет татарами). Как правило, персоналии – это наиболее яркие представители названных социальных и этнических групп. В мемуарах этнические группы подробно не зафиксированы, упоминаются, скорее, в фоновых сведениях, связанных с отдельными персоналиями. Национальное происхождение здесь не доминирует, а подчеркивает общий характер среды многонационального города. Многонациональность его обусловлена как географическим положением, так и транзитивным характером проживания обитателей. Так, бабушка Поволоцкого ежегодно ездила в Пятигорск из Вильно. Транзитивность определяется курортным статусом города и бурными историческими событиями, происходившими в период с 1915 по 1921 годы. Например, появление французов в Пятигорске связано с их приездом на лечение в ходе Первой мировой войны в 1915 году.

В процессе рассказа о жизни курортного города Поволоцкий выделяет некоторых значимых для него людей, которые представляют наиболее многочисленные этнические группы; эти люди и изображаются на фоне соответствующего этноса:

В особенности хорошо мне запомнилась молочная. Она находилась по соседству с кинематографом *Феномен*. Молочная эта принадлежала нашей землячке, польке из Вильно, проживавшей в Пятигорске уже много лет – Юлии Львовне Вержбицкой. В небольшом помещении этой молочной ежедневно, по вечерам, собирались поляки, проживавшие в те годы в Пятигорске. А было их тогда, насколько помнится, немало. Среди них было также много беженцев, подобно нам, приехавших на Кавказ из местностей, занятых немцами.

В Пятигорске в те годы был даже католический костел, при котором в небольшом домике жил ксендз, справлявший богослужения⁷.

В мемуарах дается портрет Вержбицкой, рассказывается о ее кулинарных достижениях, но, как видим, семантическая выделенность этого образа определяется и тем, что образ Вержбицкой выписан в процессе упоминания о поляках. И хотя подробностей мало, тем не менее, говорится о том, что поляков было немало, что среди них было много беженцев, а их статус как этноса, проживающего в городе-курорте, уже тогда был упрочен наличием костела.

Особый колорит города был связан с присутствием в нем представителей кавказских народов, которые были владельцами духанов, чуречных и пр.

Пожалуй, всего больше мои детские воспоминания о первых двух годах нашего пребывания в Пятигорске связаны, главным образом, с „кунаком”, о котором я уже упомянул, – пишет Поволоцкий. – Ведь это именно он старался о том, чтобы я в моей черкеске ходил на „настоящего” горца. Он учил меня закидывать полы черкески, носить „по-горски” папаху и прочее. Он много рассказывал мне о жизни и привычках жителей горных аулов и даже часто напевал своим хрипловатым и гортанным голосом осетинские или кабардинские народные песни, учил танцевать лезгинку. Однажды „кунак”, не сказав моей матери ни слова о том, куда мы пойдем, повел меня в небольшой, но весьма в те годы популярный в Пятигорске „духан”. Он помешался в подвальчике по нынешней улице Кирова, где и теперь находится закусовая. По словам „кунака”, только в этом „духане” можно было съесть „настоящий кавказский шашлык” и другие блюда национальной кухни. Помню хозяина этого „духанчика”, полного, небольшого роста старика с седоватой бородкой. Он был одет в черный бешмет с серебряным ремешком.

Водил меня „кунак” еще в один „духанчик”, который помешался тоже в подвальчике в доме по улице Нижегородской (ныне Дзержинского) против Теплосерной. Здесь, по его словам, можно было „хорошо покушать”. Напротив этого духана находилась чуречная. Хозяин этой чуречной, толстый, неизменно улыбающийся армянин, был известен всему городу и также принадлежал к друзьям „кунака”. Я очень любил наблюдать, как в огромной, глубокой, уходящей вниз печи пеклись чуреки. Веселые, молодые пекаря, под присмотром хозяина, быстро, на большом столе, раскатывали тесто на тонкие лепешки. Этим лепешкам придавали форму чурека и молниеносным движением „пришлепывали” сырой еще чурек к раскаленной стенке пышущей жаром печи. Через несколько минут специальным шестом, увенчанным крючком, вынимали испеченный уже чурек и кидали в большую корзину⁸.

Даже в этом небольшом фрагменте широко функционируют заимствования из кавказских языков, называющие такие реалии, как пространство (аул), субъект (лицо – кунак), одежда (черкеска, папаха, бешмет), закусовые (духан, чуречная), танец (лезгинка), хорошо известные каждому жителю и гостю курортных городов Северного Кавказа. **Аул** – '(тюрк.) селение (на Кавказе, в Казахстане и Средней Азии)'. **Кунак** – '(тюрк. гость) у кавказских горцев: лицо, связанное с кем-либо обязательством взаимной дружбы, защиты, госте-

⁷ С. Поволоцкий, указ. соч., с. 4

⁸ Там же, с. 14.

примства; друг, приятель'. **Черкеска** – '(от черкесы – один из народов Карачаево-Черкесской республики, а также лица, относящиеся к этому народу) русское название верхней мужской одежды, распространенной в прошлом у кавказских народов'. **Чуречная** – '(тюрк.) закусовая, в которой подают пресный хлеб в форме небольшой лепешки, выпекаемый на Кавказе, в Средней Азии'. **Папаха** – '(кумык., азерб.) высокая меховая шапка'. **Бешмет** – '(тюрк.) одежда тюркских, монгольских, кавказских народов, плотно прилегающая в груди и в талии и доходящая до колен'. **Духан** – '(араб.) старинное название небольшого ресторана, харчевни на Кавказе и Ближнем Востоке'. **Лезгинка** – 'лезгинский народный танец, а также музыка к этому танцу', **лезгины** – 'народ, составляющий часть населения Дагестана, Азербайджана, а также лица, относящиеся к этому народу'⁹. Косвенно названы и народы, населяющие Кавказ, распространенные в Пятигорске (черкесы, лезгины).

Эти лексемы вошли в активный словарный запас Поволоцкого-мемуариста, так как воссоздает он картины Кавказа спустя почти семьдесят пять лет. Таким образом, мемуары знакомят польского читателя не только с повседневностью и бытом дореволюционного курортного города, но и с культурой тех народов Кавказа, которые проживают в нем.

Представители горских народов интересуют мемуариста, в первую очередь, как носители особенной кавказской культуры. Поволоцким названы „осетинские или кабардинские народные песни”, „лезгинка”, элементы традиционной одежды горца: „черкеска”, „бешмет”, подробно описан характерный для быта горских народов способ приготовления пресных хлебных лепешек – чуреков. Мемуарист подчеркивает, что, несмотря на длительный период проживания горцев в курортном городе с преобладанием русскоязычного населения, кавказцы сохраняют верность своим обычаям и традициям. Неслучайно кунак не один раз произносит слово „настоящий”: „настоящий горец”, „настоящий кавказский шашлык”.

Особая обстановка в духанах и чуречных, необычные для человека из европейской страны „блюда национальной кухни” и способы их приготовления, внешний вид и хорошее настроение („веселые, молодые пекаря”) владельцев и работников этих заведений привлекали к ним отдыхающих: „Чуречная работала с раннего утра до позднего вечера, и покупателей было всегда много”¹⁰.

Есть один особый фактор, который определяет семантическую отмеченность Пятигорска по отношению к другим городам Кавказских Минеральных Вод и вообще к городам России, – то, что Пятигорск – место действия романа М.Ю. Лермонтова *Герой нашего времени*. Именно этот фактор обуславливает семантическую выделенность Пятигорска и смысловую глубину этого города как динамической семиотической системы. Понятие „глубины” здесь исполь-

⁹ *Словарь русского языка в 4-х тт.*, Москва 1981–1984.

¹⁰ С. П о в о л о ц к и й, указ. соч., с. 14.

зуется в феноменологическом смысле – имеется ввиду интендирование самим названием города „Пятигорск” произведений, составляющих основу его культурной жизни. Когнитивные артефакты – произведения, созданные в Пятигорске или о Пятигорске, среди которых особое место занимает *Герой нашего времени* М.Ю. Лермонтова, а также его стихотворные произведения. Когда попадаешь в Пятигорск, невольно вспоминаешь *Героя нашего времени*, семантический ореол лермонтовских смыслов этого романа присутствует в восприятии курортниками многих мест старой части города. Да и сами дуэль и смерть Лермонтова, которые имели место в Пятигорске, составляют также особый „текст”, связанный с текстом *Героя нашего времени*, обуславливая еще большую глубину города как сложной семиотической системы, ее много-слойность.

Есть и противоположные интенции. *Герой нашего времени*, произведение, которое знают практически все образованные люди, формирует образ Пятигорска, Кавказских гор, так что приезжающие заранее оказываются знакомыми с главными достопримечательностями города и окрестностей. Это замечательно показано в мемуарах Поволоцкого. Он приехал в Пятигорск шестилетним ребенком, но в его сознании уже сформировался, как мы бы сейчас сказали, фрейм города:

Я очень рано научился читать, – пишет Поволоцкий. – В особенности полюбились мне стихи. Я их очень быстро заучивал наизусть, так как память у меня была хорошая. Мне не было еще и семи лет, когда я, что называется, „шпарил” наизусть многие стихотворения Пушкина и Лермонтова. В особенности полюбились мне стихи Лермонтова. Кстати, это был также любимый поэт моей бабушки и мамы. Знал я буквально наизусть *Измаил-бей*, *Демона*, *Мцыри* и много мелких стихотворений Лермонтова. В особенности нравился мне *Хаджи-Абрек*, а из стихотворений – *Спор*. Вероятно, именно поэтому мне так понравился Пятигорск, Кавказ, горы, любовь к которым во мне пробудили эти произведения Лермонтова. [...] Я также радовался тому, что скоро увижу бабушку, которую я очень любил, и Пятигорск, а главное, Кавказские горы. О них я много слышал от бабушки, очень любившей Кавказ.

Мы приехали в Пятигорск утром. На перроне нас ожидала бабушка. Мое внимание, прежде всего, привлекла гора, которая сразу бросилась мне в глаза, когда я вышел из вагона. На верхушке горы виднелся маленький домик. „Бабушка, это Машук?” – спросил я, зная это название из рассказов бабушки и стихов Лермонтова, с которыми был уже знаком, так как их часто мне декламировала мать, очень любившая этого поэта. „Да!” – ответила бабушка. „– А сейчас я тебе покажу Бештау и много других гор!...”¹¹

На протяжении всего текста мемуаров развивается лермонтовская тема. Не только город, но и его окрестности связаны со смысловым пространством лермонтовских произведений. Они всегда актуализируют воображение, и перед умственным взором людей, знающих произведения Лермонтова, встают определенные картины, виды, сцены, интендированные текстами. Адекватная

¹¹ Там же, с. 3.

этих картин с миром в этом случае поражает. У Поволоцкого есть такие примеры:

В экипаже „Москвича” ездили мы также в Ново-Афонский монастырь, который был расположен почти у подножья Бештау где-то в районе нынешнего города Лермонтова. Этот монастырь очень охотно посещался туристами и отдыхающими в Пятигорске. Сидя за небольшими столиками в обширном саду, примыкавшем непосредственно к монастырским строениям, можно было закусить, любуясь чудесными видами на окрестные горы и степь, покрытую цветущими мальвами. Гостям прислуживали монахи в черных подрясниках и так называемых „скуфейках” на головах. Глядя на них, я воображал, что так должен был выглядеть герой лермонтовской поэмы *Мцыри*, многие отрывки из которой я знал на память¹².

И герой поэмы *Мцыри*, и Максим Максимович, действующее лицо из *Героя нашего времени*, и храбрый горец, о которых говорит далее С. Поволоцкий, для него реальные люди. Он, как, впрочем, и каждый из тех, кто любит Лермонтова, живя в Пятигорске, всегда находится в окружении лермонтовских героев, сфантазированных, воображаемых, вызываемых чудом существования художественных текстов Лермонтова, функционирующих в смысловом пространстве. В этом невероятная сила притяжения тех мест, в которых жили большие художники, запечатлевшие их в своих текстах.

Восприятие и знакомство отдыхающих с городом, как правило, связаны с прогулками по лермонтовским местам, которые в смысловом отношении взаимодействуют между собой, и эта связь придает городу огромное внутреннее драматическое напряжение. Поволоцкий говорит о прогулках вокруг Машука и к месту дуэли Лермонтова, поездке на Провал и других. Первое в жизни публичное выступление Поволоцкого, состоявшееся в 1918 году, как считает мемуарист, положило начало его любви к театру.

Инициация театральной деятельности Поволоцкого, имеющая место именно в Пятигорске, связанная с чтением произведений Лермонтова, была, по-видимому, следствием многослойного первопознания им и произведений Лермонтова, и его жизни, и Пятигорска, который воспринимается, как правило, как город, окрашенный лермонтовскими смыслами. В числе реализации этих „лермонтовских смыслов” интерес обитателей курортного города, особенно в дореволюционные времена, к кавказскому костюму, который мемуарист подробно описывает. С. Поволоцкий рассказывает о том, как ему (еще в 1915 году) сшили белую черкеску. Друг семьи, отставной офицер Дикой дивизии (осетин или кабардинец по происхождению),

[...] настоял на том, чтобы мне сшили белую черкеску, темно-малиновый бешмет, купили белую бурку и белую же папаху с красным верхом. Шили мне черкеску и бешмет в специальной кавказской мастерской, в которую привел меня кунак. Хозяином был его хороший знакомый и земляк. Эта мастерская помещалась рядом с тогдашней гостиницей „Эрмитаж” возле Нижнего базара. Черкеску и бешмет шили согласно указаниям кунака. Он

¹² Там же, с. 8.

же заказал для меня горские сафьяновые сапожки у мастера рядом с пошивочной, где мне шили черкеску. „Кунак” пошел также вместе со мной и бабушкой покупать для меня кавказский ремешок-поясок (кстати, каким-то чудом он сохранился у меня до сих пор), башлык, небольшой кинжал и кавказскую шашку, о которой я так мечтал. Все эти покупки, которыми я очень гордился, были сделаны в маленьких магазинчиках, где продавались кавказские сувениры, оружие, изделия из серебра, так называемые мягкие „чувяки” и прочие безделушки¹³.

Здесь лексически обозначены (в основном, через заимствования из кавказских языков) все компоненты кавказского костюма: черкеска, бешмет, бурка, папаха, сафьяновые сапожки, кавказский ремешок-пояс, башлык, кинжал, шашка. Интересно замечание о местах, где шился костюм, о кавказских сувенирах, которые были непременным атрибутом торговли в курортном городе: оружие, изделия из серебра, мягкие чувяки и т. д. Большое количество экзотизмов (греч. *exōtikos* – чуждый, иноземный) говорит о распространенности в речи жителей и отдыхающих в курортном городе заимствований из кавказских языков, об особом колорите речи южан, влиянии яркой кавказской культуры на русскую, а в итоге и на польскую.

Поволоцкий сам называет одну из тем, которой уделяет большое внимание в мемуарах, – „кулинарно-кондитерские воспоминания”. В мемуарах Поволоцкого внимание к пище, ее значимость связаны как раз с детскими мотивами и с тем, что курортный город в своей деятельности как раз актуализирует функции отдыха, лечения, в какой-то степени и праздника, подготовки организма к дальнейшей активной деятельности. В тесной связи с кулинарно-кондитерскими воспоминаниями находится описание магазинов, молочных, кондитерских, в которых продавались сладости, и людей, которые были связаны с этой сферой деятельности. Смена режимов, изменение социальных условий жизни также нашли отражение в этой теме. Если дореволюционный Пятигорск – курортный город, в котором в силу того, что курортники не только лечатся, но и отдыхают, вообще большое внимание уделялось проблемам питания, то послереволюционный Пятигорск – это город, в котором не только жители, но и отдыхающие встречаются с трудностями в добывании пропитания. Таким образом, исторически, культурно и социально детерминированными оказываются все сферы жизни.

Кроме того, кулинарная тема, кулинарные подробности, активизация модуса вкуса оживляют воспоминания, создают обстановку, ярко освещают характер повседневности. Кулинария и те, кто работал в ее сфере, как знаковая система позволяют увидеть национальную пестроту курортного города, ощутить взаимодействие и взаимовлияние различных культур:

До сих пор хорошо помню, какие замечательные по своему вкусу и разнообразию свежие и сухие фрукты продавались в магазинах, которые помещались в темных и казавшихся мне необыкновенно таинственными подвальных помещениях в старом здании (ныне уже

¹³ Там же, с. 12.

не существующем) „крытого рынка” на Нижнем базаре. [...] Тут можно было приобрести действительно все, чем были богаты в смысле фруктов, орехов, миндаля, изюма и всего прочего Кавказ и Закавказье. В особенности чудесны были по вкусу и своему внешнему виду красиво уложенные в особых ящиках, оклеенных синей бумагой, сушеные цельные персики, начиненные орехами и каштанами, золотистый крупный „урюк” (сушеные абрикосы), изюм разных сортов и другие фрукты. Тут также можно было приобрести соленые и маринованные маслины, хранившиеся в особых бочонках, а зимой чудесные по своему вкусу небольшие соленые арбузики, моченые яблоки, а также необыкновенно сладкие и ароматные, порезанные на тонкие ломтики сушеные дыни¹⁴.

Эти подробности – та „археология истории”, по которой слой за слоем можно воспроизвести, теперь уже только мысленно, колорит курортного города с устоявшимся особым укладом, характерным именно для курортных городов юга России.

Как видим, мемуары могут служить лингвокультурологическим и историческим источником, а процедуры, обусловленные семиотическим анализом, дают в итоге представление о семиотическом портрете города. Курортный город Пятигорск, по сути, и является главным героем мемуаров С. Поволоцкого *Что мои очи видели*. Воспоминания С. Поволоцкого – яркое свидетельство взаимодействия и взаимовлияния кавказской (восточной) и европейской культур.

¹⁴ Там же, с. 22.